Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 90–96
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):90–96

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 338
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-90-96 EDN OAEPIY

Формирование институциональных структур, поддерживающих устойчивое развитие

Максим Александрович Корытцев[1], Серафим Андреевич Морозов[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

[1]mkorytcev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1852-2213

[2]sera_morozov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4241-3906

Аннотация: Важнейшую роль в придании современным процессам экономического развития устойчивости играют формируемые институциональные структуры, которые отличаются своей разнородностью. На фоне большинства из них, определяемых как различные нормы, правила и соглашения, выделяется ряд макроструктур, представляющих собой более развитые институциональные структуры, механизмы, обеспечивающие воспроизводство конкурентного поведения и формирование ценовых сигналов в рамках организации «зелёного» финансирования и устойчивого развития, а также квазирыночные структуры, обеспечивающие, в частности, торговлю углеродными единицами (квотами). Стратегии устойчивого развития в современной российской экономике должны при этом выстраиваться с учетом национальных интересов в контексте реализации стратегии импортозамещения и достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: ESG-переход, институциональные структуры, квазирынки, мировая экономика, устойчивое развитие, экономический рост

Для цитирования: Корытцев М. А., Морозов С. А. Формирование институциональных структур, поддерживающих устойчивое развитие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 90–96. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-90-96. EDN OAEPIY

Problems of Economics

Original article

Forming institutional structures supporting sustainable development

Maksim A. Korytsev[1], Serafim A. Morozov[2]

[1, 2]Southern Federal University, Rostov-on-Don city, Russia

[1]mkorytcev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1852-2213

[2]sera_morozov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4241-3906

Abstract. The most important role in giving stability to modern processes of economic development is played by emerging institutional structures, which are distinguished by their heterogeneity. Against the background of most of them, defined as various norms, rules and agreements, a number of macrostructures stand out, which are more developed institutional structures, mechanisms that ensure the reproduction of competitive behavior and the formation of price signals within the framework of the organization of "green" financing and sustainable development, as well as quasi-market structures providing, in particular, trading in carbon units (quotas). At the same time, strategies for sustainable development in the modern Russian economy should be built taking into account national interests in the context of implementing an import substitution strategy and achieving technological sovereignty.

Keywords: ESG-transition, institutional structures, quasi-markets, world economy, sustainable development, economic growth

For citation: Korytsev M. A., Morozov S. A. Forming institutional structures supporting sustainable development. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):90-96. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-90-96. EDN OAEPIY

© Корытцев М. А., Морозов С. А., 2023

Как известно, в последние десятилетия в мире предпринимаются значительные усилия как со стороны многих международных организаций и национальных правительств, так и широкой общественности, направленные на корректировку вектора экономического развития нашей цивилизации. Его новое качество отражает специальный термин – «устойчивое развитие», подразумевающий наряду с обеспечением экономического роста, так же и решение комплекса острых социально-экономических проблем в мире. Они нашли свое отражение в принятом в рамках юбилейной 70-й Генеральной Ассамблее ООН (сентябрь 2015 г.), на Саммите глав государств, членов ООН программном документе «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (сокращенно, Повестка-2030). В нём были сформулированы 17 глобальных целей в области устойчивого развития (ЦУР)[1], к числу которых, в частности, относятся ликвидация нищеты и голода, обеспечение широкого доступа к качественным образованию и медицине, уменьшение социально-экономического неравенства, обеспечение гендерного равенства и др. Но наиболее значимой компонентой этого нового качества устойчивого развития, следует признать «экологическую» составляющую, подразумевающую восстановление баланса между развивающейся экономикой и сохранением мировой экологии и климата планеты. К этой компоненте относится целый блок из списка заявленных глобальных целей, такие как «чистая вода и санитария» (цель 6), «недорогостоящая и чистая энергия» (цель 7), «ответственное потребление и производство» (цель 12), «борьба с изменением климата» (цель 13), «сохранение морских экосистем» (цель 14), «сохранение экосистем суши» (цель 15). С учетом того, что многие иные цели тоже косвенно связаны с обеспечением приемлемого качества окружающей среды, в том числе «хорошее здоровье и благополучие» (цель 3), «устойчивые города и населённые пункты» (цель 11) и ряд других. Таким образом, более половины заявленных целей устойчивого развития прямо или косвенно связаны со стремлением улучшить состояние окружающей среды, которой был нанесён антропогенный урон.

В свою очередь, данная декларация ЦУР (Повестка 2030), как известно, имела предшествующую историю. Так на уровне ООН, начиная с 2000 года, на перспективу до 2015 года действовала «более ранняя версия» перечня подобных целей, когда была декларированы всего 8 целей, одна из которых «представляла» необходимость решения экологической проблематики.

При этом особую роль в «экологической повестке» играет так называемая «климатическая повестка», связанная с декларацией необходимости сокращения эмиссии в мире парниковых газов (углекислый газ, метан и др.) (ПГ), создающих «парниковый эффект», приводящий к глобальному потеплению и изменению климата. Впервые на мировом уровне признание необходимости противостоять этой угрозе было сформулировано на Саммите ООН по окружающей среде, состоявшемся в Рио-де-Жанейро в 1992 г. На этом Саммите тогда была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата[2] (United Nations Framework Convention on Climate Change), которая в статье 2 закрепила цель стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему.

В 2001 г. ООН инициировала подписание так называемого Киотского протокола, в рамках которого страны должны были брать на себя обязательства по ограничению эмиссии парниковых газов. Реализация данного протокола была затруднена необходимостью взятия достаточно высоких обязательств, что было обусловлено в том числе отсутствием на тот момент сформированного консенсуса в мире среди элит и экспертного сообщества по поводу перспектив антропогенного воздействия на процессы глобального потепления [1]. Этот консенсус продолжает формироваться вплоть до настоящего времени [2], но по-прежнему не является ещё устоявшимся [3], Например, дискуссии продолжаются относительно понимания вклада антропогенного фактора в происходящие процессы потепления и, соответственно, меры ответственности цивилизации за эти изменения (когда по разным оценкам, вклад влияния антропогенного фактора в глобальное потепление оценивается в пределах 30-75 %) (см., напр., [4]), а также наиболее эффективные способы купирования развития негативного сценария развития. С последним связывают в частности не только необходимость контроля объёма выбросов ПГ непосредственно хозяйственными предприятиями, но и способность улавливания и абсорбации ПГ,

[1] Цели в области устойчивого развития (до 2030 года). URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (Дата обращения 10.05.2023).
[2] ООН. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

а также лимитизации влияния хозяйственной деятельности на состояние Мирового океана (поглощающего до 75 % всего углекислого газа), абсорбирующая способность по отношению к ПГ которого способна резко ухудшаться именно за счет специфики воздействия на него антропогенного фактора.

Поэтому позднее в рамках так называемого Парижского соглашения (2015 г.) произошло переформатирование взятых на себя большинством стран обязательств по ограничению указанной эмиссии на более мягких условиях, формулируемых самими участниками этого нового соглашения (см. рис. 1). Российская Федерация официально ратифицировала свое участие в данном соглашении в 2019 г. [5] При этом различие стратегий разных стран в связи с формированием глобальной климатической повестки обуславливает также и набор фундаментальных противоречий, затрудняющих выработку комплексных программ решения этих проблем [6]. Одним из противоречивых результатов здесь стало то, что «декарбонизация экономики и энергетики, которая была одним из ключевых направлений климатической политики, превратилась в её чуть ли не единственный и неоспоримый приоритет» [7]. Мировые конференции по данной проблематике на правительственном уровне продолжают проводиться по настоящий момент в ежегодном формате.

Максимальные темпы роста ВВП	Особенности обеспечения капиталом	Страны	Приоритетные обязательства
Экономический рост свыше 5 %	-	Китай, Индия, Бангладеш, Вьетнам	Актуально брать на себя не абсолютные обязательства по снижению выбросов, ограничившись только относительными (которые могут рассчитываться в сравнении с базовыми сценариями или по удельной углеродоёмкости ВВП)
Экономический рост не превышает 4 % в год	Низкая стоимость капитала, низкий потенциал поглощения выбросов	США, Канада, ЕС, Австралия, Япония, Великобритания	Выгодно ориентироваться на капиталоёмкие решения, в том числе ВИЭ и «зелёные» технологии, стремление распространить использование этих технологий в мире
	Высокая стоимость капитала, высокий потенциал поглощения выбросов	Россия, Бразилия	Следует ориентироваться на максимальный учет поглощения ПГ, принимать наименее капиталоёмкие решения и защищать национальные технологии

Рис. 1. Приоритетные обязательства для различных стран в рамках Парижского соглашения
Fig. 1. Priority commitments for various countries under the Paris Agreement

Следует признать, что вызванное в том числе и указанными программными документами и соглашениями под эгидой ООН движение в заданном направлении нашло реальное отражение в институциональных изменениях и хозяйственной трансформации мировой экономики, не ограничиваясь лишь заявлениями различных акторов и организаций о приверженности подобным декларациям. В качестве наиболее яркого примера можно привести формирование сектора устойчивого финансирования, объединяющего постоянно расширяющийся круг экономических акторов: ТНК, финансовые структуры, аудиторские компании, рейтинговые и информационные агентства и др., приверженные так называемым «ESG-принципам». Они были впервые сформулированы ещё в 2004 году генеральным секретарём ООН К. Ананом в декларации «Who Cares Wins» (WCW – «Неравнодушный побеждает») и подразумевали реализацию последовательного стремления в рамках ответственного управления (G), к решению в рамках экономического развития нового качества как совокупности социальных (S), так и экологических (E) проблем в мире. Масштабная трансформация мировой экономики в этой связи часто характеризуется ещё как «ESG-переход» [8].

Очевидно, что имплементация принимаемых на высоком международном уровне подобных решений и воплощение в жизнь ранее уже здесь выше упомянутых заявленных деклараций в этой сфере наднациональными объединениями и организациями (ООН, а также G20, G7, ШОС, ЕАЭС, БРИКС, ОЭСР,

МВФ, Всемирным Банком и др.) невозможны вне формирования специальных институциональных структур и механизмов, поддерживающих необходимые изменения в заданном политикой устойчивого развития направлении. Процесс их создания и развития имеет пока непродолжительную историю, ограниченную горизонтом в 10-20 лет. Тем не менее, уже на данный момент есть возможность в процессе анализа делать предварительные обобщения при изучении формирующихся институтов в этой сфере.

Базовой системной характеристикой экономических институтов выступает их структурированность, отражающая разную степень сложности взаимосвязанных норм, правил, предписаний, в различной степени усвоенных хозяйственными акторами. Высокая степень такого рода усвоения (интериоризации) позволяет характеризовать такого рода институты как неформальные. Иной тип институциональных правил – формальных, напротив, воспринимается обычно индивидами как внешние правила, нормы, склонность следования которым может быть проявлена в различной степени. Соответственно, важнейшим методом изучения институтов является так называемое «моделирование структур» (pattern modeling), который «основан на объяснении событий или действий посредством указания их места в структуре взаимосвязей» [9, с. 186]. В этой связи сами экономические институты исследователи часто характеризуют как «институциональные структуры», подчеркивая значимость их структурной составляющей [10] для современного экономического развития, что подтверждается на примерах исследований самых различных сфер, например, реформирования переходной экономики [11], регулирования процессов хозяйственного использования природных ресурсов [12], при реализации процессов макрорегиональной интеграции [13] и т. д.

Исследование институциональных структур предполагает как изучение их внутреннего строения, так и их системных взаимосвязей. В последнем случае такой анализ предполагает возможность их классификации. Применительно к анализу институциональных структур в сфере устойчивого развития при изучении вопроса их классификации, корректно будет определить следующие их типы.

Во-первых, элементарный уровень, который объединяет множество разнородных документов (деклараций), провозглашающих рекомендации, нормы, цели, коррелирующие с устойчивым развитием. Особое место здесь занимают различные формы институциональных соглашений. Склонность и способность сторон их исполнять свидетельствует при этом в пользу высокой степени их институциональной эффективности. Эти соглашения могут принимать также коллективную форму, например, участия в специальных рейтингах, связанных с повесткой устойчивого развития.

Одновременно подобные соглашения (в виде рейтингов), а также набора правил, определяющих особенности классификации и отнесения тех или иных проектов к «зелёным», соответствующим ESG-стандартам (так называемые таксономии) [14], могут быть охарактеризованы как переходные относительно более развитых типов институциональных структур. В качестве примера подобного российского рейтинга можно упомянуть ESG-рейтинг журнала «Эксперт» (см., напр., [15–16]), рассчитываемый ежегодно в 2018–2022 гг.

Более развитые структуры отличаются способностью определять автономное поведение акторов в отдельных хозяйственных сферах, определяя их хозяйственную активность, а не просто влиять на неё в качестве специфического фактора. Предполагается, что такого рода структуры в значительной мере трансформируют и институциональную среду, где такие акторы действуют. Приведём несколько соответствующих примеров.

Одним из них являются институциональные структуры квазирыночного типа. Исследователи отмечают распространение такого рода структур в последние десятилетия в общественном секторе [17]. Однако, теперь примеры такого рода возникают и в рамках экономики устойчивого развития. Хорошей иллюстрацией здесь является формирующиеся рынки углеродных единиц [18], на которых на конкурентной основе воспроизводятся экономические отношения по поводу купли-продажи национальных квот на выбросы углерода в атмосферу. Естественно, чтобы такого рода сложные институциональные структуры могли эффективно функционировать, должен быть реализован целый комплекс базовых соглашений, норм и правил, определяющих мотивацию участников подобного квазирынка.

Другим примером «продвинутой» институциональной структуры может служить уже упомянутый выше сегмент устойчивого финансирования, или инвестирования, активно развивающийся в последнее десятилетие [19]. Например, в России субъекты Федерации, муниципалитеты и институты развития с 2021 г. начали по примеру зарубежных финансовых рынков размещать выпуски

так называемых «зелёных» облигаций [20]. Именно в 2021 г. стала активно формироваться отечественная таксономия на рынке финансовых услуг с принятием правительственного постановления № 1587 [21].

Масштабы и скорость развития этого финансового сегмента в ряде стран мира заставляют некоторых авторов сделать не вполне обоснованный вывод о том, что уже в среднесрочной перспективе данный сегмент полностью «колонизирует» всю инвестиционную сферу современной экономики, придав её совершенно новое качество. Полагаем эти оценки не вполне обоснованными, это связанно с попрежнему незначительным удельным весом этого сегмента относительно мирового финансового рынка (по разным подсчетам, 1-2 %). Так, по данным, приводимом в исследовании Рабочей группы по устойчивому финансированию при G20, сумма «глобальных финансовых активов под управлением» (без учёта активов коммерческих банков) достигает 111 трлн долл. США, в том числе объём «зелёных» облигаций, выпущенных в основном заёмщиками из развитых экономик, немногим превышает 3 трлн долл. [22].

Конечно, при этом актуальной проблемой остаётся институциональная незрелость этого рыночного сегмента, особенно на наднациональном, международном уровне. Так, сейчас продолжает идти работа по согласованию и принятию «Базового глобального стандарта отчетности в области устойчивого развития» (Global Baseline Sustainability Reporting Standard), глобального «Стандарта отчетности по климатическим рискам» и ряда других значимых документов, которые должны способствовать инвестиционному взаимодействию в этой сфере на глобальном уровне.

Но эти свидетельства недостаточной институциональной зрелости рассмотренных структур, конечно, не являются непреодолимым препятствием для их развития, но скорее расширяют границы переходного периода (ESG-перехода), отдаляя в неопределённое будущее дату его завершения.

В качестве других характерных примеров формирования такого рода институциональных структур в эколого-экономической сфере выступают создаваемые торговые площадки (маркетплейсы), биржи по торговле отходами. В частности, в сентябре 2022 г. ППК «Российский экологический оператор» (ППК РЭО) запустил Биржу вторичных материальных ресурсов (ВМР), представляющую собой маркетплейс (электронную торговую площадку (ЭТП)) отходов, доступную для присоединению для всех желающих. Также уже на региональном уровне в 2022 г. при поддержке Министерства жилищно-коммунального хозяйства Московской области была также создана платформа ВМР АНО, работающая в целом аналогичным образом.

Создаются и корпоративные ЭТП. Например, в 2019 г. компания «Сибур» запустил собственный корпоративный проект «Реактор», представляющий собой платформу для покупки и продажи спектра нескольких групп вторичных материалов, включая макулатуру, пластик, металлы, стекло, текстиль. Наконец, уже весной 2023 г. корпорацией Технониколь была создана биржа по продаже промышленных и коммерческих отходов [23]. На первом этапе реализации этого проекта компания будет реализовывать на платформе TN Recycling вторичные ресурсы, которые образуются на десятках собственных заводов компании. Ожидается, что в дальнейшем на эту платформу придут и другие крупные предприятия.

Создание подобных структур в сфере обращения отходов, снижает трансакционные издержки и повышает эффективность их аккумуляции с целью последующей переработки, что особенно актуально на фоне буксующей мусорной реформы в стране [24].

Реализация экологической и климатической политики в современной России сталкивается с известными вызовами экономического, технологического и политического характера со стороны недружественных государств, что выражается в том числе в связи с ограничениями доступа к современным технологиям, обеспечивающих эффективную переработку, утилизацию отходов, сокращающих уровень выбросов ПГ и различных вредных веществ, технологий возобновляемой энергетики (см., напр., [23, 25], хотя с такого рода ограничениями Россия впервые столкнулась ещё раньше, уже с 2014 г. [26]. В этой связи актуализируется разработка соответствующих технологий в рамках реализуемых программ импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета (см., напр., [27]).

Таким образом, следует подчеркнуть, что в настоящее время происходит активное формирование институтов устойчивого развития. И эти процессы затрагивают как многие страны мира, так и Россию, в том числе на региональном уровне. Корпоративная политика многих отечественных компаний, социально-экономическая и экологическая политика федеральной и региональных властей, муниципалитетов, несмотря на уход из страны многих западных компаний, еще несколько лет

определявших тренды и во многом формировавших моду на имплементацию новой климатической повестки в стране, почти не оказали влияния на готовность властей, бизнеса и общества продолжать двигаться в рамках той повестки (см., напр., [28–29]). Что должно происходить, конечно, с учетом специфики и национальных интересов страны, её компаний и граждан.

Список источников

1. Ивантер А., Кудияров С. Сказки парижского леса // Эксперт. № 26, 2017. С. 32–41.
2. Лейбин В., Лавренов Н. Жара, смерчи и наука о климате // Эксперт. №31-34. 2021. С. 80–85.
3. Сальников В. Безуглеродная контрреволюция // Эксперт. № 10. 2022. С. 62–65.
4. Ивантер А. Низкоуглеродный тупик // Эксперт. № 50, 2018. С. 36–41.
5. Порфирьев Б., Широв А., Колпаков А. Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. № 31-34. 2020. С. 44–47.
6. Алабужин А. Платить за климат не хочет никто // Эксперт. № 48, 2022. С. 48–51.
7. Порфирьев Б. Климатический вызов устойчивому развитию //Эксперт. №3, 2022. С. 10–11.
8. Довбий И., Кобылякова В., Минкин А. ESG-переход как новая парадигма глобальной экономики и устойчивых финансов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 16. №1. 2022. С. 77–86.
9. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
10. Дементьев В. Институциональная политическая экономия: с чего начать? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 7. №1. 2015. С. 25–44.
11. Кузьмин С. К реформированию институциональных структур в России //Экономическая наука в современной России. №1. 2003. С. 99–111.
12. Крутов А. Международная практика совершенствования институциональных структур водного сектора //Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. №3. 2020. С. 19–38.
13. Селезнев И. Роль институциональных структур в процессе евраазийской интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6. С. 209–219. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27390477 (Дата обращения 10.05.2023).
14. Ульянов Н. Правилам нужна правка //Эксперт. №37, 2021. С. 24–26.
15. Рейтинг устойчивого развития российских компаний // Эксперт. № 50. 2021. С. 35–55.
16. Ренкинг устойчивого развития российских компаний // Эксперт. № 50. 2022. С. 61–85.
17. Корытцев М. Институциональная структура и механизмы функционирования квазирынков в общественном секторе / Под ред. д.э.н., проф. О.С. Белокрыловой. Ростов-н/Д.: Содействие-XXI век, 2009.
18. Скворцова М., Тяглов С. Формирование и развитие российского рынка углеродных единиц // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 13. № 4. 2022. С. 89–98.
19. Korytsev M., Morozov S. Institutional development of sustainable finance: Its potential and current limitations // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 13. № 4. 2022. С. 125–137.
20. Турунцев А. Москва «зазеленела» // Эксперт. № 30. 2023. С. 38–40.
21. Котченко К. Зазеленели по-своему // Эксперт. № 3. 2022. С. 59–61.
22. Сторчак С. Вызовы глобальной климатической повестки // Эксперт. № 13. 2023. С. 60–62.
23.Филиппова А. Мусор споткнулся об импорт // Эксперт. № 19. 2022. С. 34–37.
24. Ульянов Н. Мусор пошёл в разнос // Эксперт. № 50. 2019. С. 28–31.
25. Кудияров С. Деньги на ветер // Эксперт. № 27. 2023. С. 62–65.
26. Рогинко С. Санкции и экология // Эксперт. № 38. 2015. С. 53–56.
27. Устойчивое развитие. ВЭБ.РФ. Специальный доклад // Эксперт. №29. 2023. С. 45–55.
28. Козлов В. Прагматики ESG-повестки: как Юг России оказался центром устойчивого мышления бизнеса // Эксперт Юг. №6-7, 2023. С. 38–40.
29. Перов А., Бессонов А. Стратегия устойчивости устояла, теперь бы воплотить её // Эксперт Юг. № 4-5. 2023. С. 46–47.

References

1. Ivanter A., Kudiyarov S. Tales of the Parisian forest. *Expert.* 2017;(26):32–41. (In Russ.)
2. Leibin V., Lavrenov N. Heat, tornadoes and climate science. *Expert.* 2021;31-34:80–85. (In Russ.)
3. Salnikov V. Carbonless counterrevolution. *Expert.* 2022;(10):62–65. (In Russ.)
4. Ivanter A. Low-carbon impasse. *Expert.* 2018;(50):36–41. (In Russ.)

5. Porfiriev B., Shirov A., Kolpakov A. Climate for people, not people for climate. *Expert.* 2020;31-34:44–47. (In Russ.)

6. Alabuzhin A. Nobody wants to pay for the climate. *Expert.* 2022;(48):48–51. (In Russ.)

7. Porfiriev B. Climate challenge to sustainable development. *Expert.* 2022;(3):10–11. (In Russ.)

8. Dovbiy I., Kobylyakova V., Minkin A. ESG-transition as a new paradigm of global economy and sustainable finance. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management".* 2022;16(1):77–86. (In Russ.)

9. Blaug M. Methodology of economic science, or how economists explain. Moscow: "Journal of Economics", 2004. 416 p. (In Russ.)

10. Dementiev V. Institutional political economy: where to start? *Journal of Institutional Studies.* 2015;7(1):25–44. (In Russ.)

11. Kuzmin S. On reforming institutional structures in Russia. *Economic science in modern Russia.* 2003;(1):99–111. (In Russ.)

12. Krutov A. International practice of improving institutional structures of the water sector. *Water management in Russia: problems, technologies, management.* 2020;(3):19–38. (In Russ.)

13. Seleznev I. The role of institutional structures in the process of Eurasian integration. *Social and humanitarian knowledge.* 2016;(6):209–219. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27390477 (Accessed 10.05.2023). (In Russ.)

14. Ulyanov N. Rules need an edit. *Expert.* 2021;(37):24–26. (In Russ.)

15. Rating of sustainable development of Russian companies. *Expert.* 2021;(50):35–55. (In Russ.)

16. Ranking of sustainable development of Russian companies. *Expert.* 2022;(50):61–85. (In Russ.)

17. Koryttsev M. Institutional structure and mechanisms of functioning of quasi-markets in the public sector. Edited by Doctor of Economics, prof. O.S. Belokrylova. Rostov-on-Don; 2009. (In Russ.)

18. Skvortsova M., Tyaglov S. Formation and development of the Russian market of carbon units. *Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation).* 2022;13(4):89–98. (In Russ.)

19. Korytsev M., Morozov S. Institutional development of sustainable finance: Its potential and current limits. *Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation).* 2022;13(4):125–137.

20. Turuntsev A. Moscow "turned green". *Expert.* 2023;(30):38–40. (In Russ.)

21. Kotchenko K. Turned green in their own way. *Expert.* 2022;(3):59–61. (In Russ.)

22. Storchak S. Challenges of the global climate agenda. *Expert.* 2023;(13):60–62. (In Russ.)

23. Filippova A. Garbage stumbled over imports. *Expert.* 2022;(19):34–37. (In Russ.)

24. Ulyanov N. The garbage went to the trash. *Expert.* 2019;(50):28–31. (In Russ.)

25. Kudiyarov S. Money for the wind. *Expert.* 2023;(27):62–65. (In Russ.)

26. Roginko S. Sanctions and ecology. *Expert.* 2015;(38):53–56. (In Russ.)

27. Sustainable development. WEB.RF. Special report. *Expert.* 2023;(29):45–55. (In Russ.)

28. Kozlov V. Pragmatics of the ESG agenda: how the South of Russia turned out to be the center of sustainable business Thinking. *Expert South.* 2023;(6-7):38–40. (In Russ.)

29. Perov A., Bessonov A. The strategy of sustainability has resisted, now it would be better to implement it. *Expert South.* 2023;(4-5):46–47.

Информация об авторах

М. А. Корытцев – доктор экономических наук, профессор ЮФУ.

С. А. Морозов – аспирант ЮФУ.

Information about authors

M. A. Korytsev – Dr. Sci. (Econ.), Professor of Southern Federal University.

S. A. Morozov – Postgraduate of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.
The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.